

Так в современном Чернигове, в отличие от древнерусского города, в процессе урбанизации была разорвана цепь акцентов, организованная ритмом "пороговых пространств", где ритм – один из способов логичного в структуре модели мира, а также в любой архитектурной структуре. Тем не менее Чернигов можно рассматривать как пример стабильного, упорядоченного развития города, поскольку здесь сохранился основной исторический стержень композиции и структуры движения города, который так или иначе диктует его дальнейшее развитие.

1. Головаха Е., Кроник А. Психологическое время: удивительные свойства сжиматься и прерываться // Популярная психология: Уч. пособие. – М.: Просвещение, 1990. – 247 с.

2. Игнаткин И.А. Чернигов. – М., 1955. – 88 с.

3. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

4. Карнабіда А.А. Чернігів: Архітектурно-історичний нарис. – К.: Будівельник, 1980. – 128 с.

5. Логвин Г.Н. Чернигов. Новгород-Северский. Глухов. Путивль. – М.: Искусство, 1980. – 288 с.

6. Посацький Б.С. Основи урбаністики. Частина 1. Процеси урбанізації та територіальне розпланування. – Львів, 1997. – 116 с.

7. Справочник по урбанистике / Под ред. Устенко Т.Ф. – К.: Стройиздат, 2001.

Получено 15.01.2002

УДК 72.01

А.Г. ШТЕЙНЕР

Харьковская государственная академия городского хозяйства

УРБАНИСТИКА. ТРАДИЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ СРЕДЫ

Рассматривается взаимодействие пространств от объекта до внешней среды и их содержательная сторона как результат этого взаимодействия в городской иерархической структуре с точки зрения традиционного аспекта, влияющего на формирование урбанистической среды.

К. Линч, определяя цели градостроительной политики, выделил среди них группу так называемых "скрытых ценностей или мотиваций". К ним он отнес трудноформулируемые, но ощутимые качества "символического и чувственного переживания пребывания в городе", имеющие традиционные истоки. К таким качествам относятся понятия внутреннего и внешнего пространств, названные А.Савченко "архитектурными универсалиями". При этом понятие внутреннего и внешнего пространства будет зависеть от места нахождения человека в данный момент.

В окружающей среде все больше усложняются связи между человеком и окружением, внутренним миром человека и теми внешними категориями, которые являлись во все времена источником его представлений о мире. Такое усложнение обусловлено ростом градостроительных образований и дифференциацией видов деятельности. Человек в современном городе ежедневно выходит из квартиры во двор, на улицу, едет к месту работы, отдыха. В каждом случае он выступает в разных отношениях со средой, характеризующихся сопоставлением разномасштабных пространств, усложненных "маятниковым движением". Его мозаичные впечатления либо преобразуются в нечто ЦЕЛОЕ, либо же, наоборот, они не могут объединиться в целостный образ. В любом случае эти представления об окружении приобретают социальный смысл: человек "принимает" или "не принимает" социум, создавший эту среду.

То или иное взаимоотношение человека со средой зависит от того, насколько эта среда отражает традиционный аспект среды и определенные стереотипы мышления, в первую очередь, это возможность соотнесения внутреннего мира субъекта с миром внешним, чувственным отражением которого являются фрагменты окружающей среды.

В настоящее время остро стоит проблема утраты семантического аспекта архитектуры, корнями уходящего в традиционные истоки, и односторонняя акцентуация ее морфологической стороны в ситуации глобальной урбанизации мирового пространства с ее избыточной информативностью. Это, как правило, приводит к утрате эстетического аспекта, выражающего социальную и культурную самобытность городской среды. Принятие же во внимание содержательной основы архитектуры, подчиняющейся определенным законам восприятия, может коренным образом изменить морфологию архитектурного пространства, увеличив его эстетическую ценность. Преобразование вышеупомянутого пространства в соответствии с семантической основой позволит сохранить преемственность устойчивых образов, характерных для традиционной среды, созданных архитектурными универсалиями — "внутренним" и "внешним", которые, в свою очередь, могли бы увеличить символическую насыщенность современной архитектурно-пространственной среды от региона до объекта, объединив тем самым все иерархические уровни городской структуры. Примером такой структуры может быть структура г. Львова, где важное место занимает пространственно-уровневая иерархия. Рационалистический принцип, бытующий в мировоззрении, становится основополагающим в формировании предметно-пространственной среды и берет верх над чувственным восприятием. Город, сформировавшийся у подножия, в своей

структуре теперь воплощает схоластическую умозрительность. Его основу составляет регулярная прямоугольная система улиц. Эмоциональная вертикальная модель мироустройства, объединяющая "внешнее" и "внутреннее" как небесное и земное, порядок и хаос, свет и тьму, преобразовывается в рациональное горизонтальное разворачивание. Однако, по М.Элиаде, оно моделирует тот же космос, структуру которого формирует крестообразное пересечение осей, соотносенных со сторонами света. Эти оси фиксировались улицами. Центром нижнего города была площадь с ратушей, которая фиксировала центр — место пересечения указанных осей. Таким образом, регулярная схема города предстает схемой "небесного города", где внешний мир за "оградой" был олицетворением хаоса, а мир города "в ограде" становился символом небесного "внешнего" — космического порядка, сохраняя тем самым традиционное представление о пространстве. Помимо воплощения небесного "внешнего" на более высоком городском уровне, в структуре города существовали ансамбли, также являющиеся прототипом "внешнего", но уже меньшего масштаба и более приближенные к человеку. Примером здесь может служить ансамбль Бернардинского монастыря. В состав комплекса были включены защитные сооружения — крепостные стены и земляные валы, получившие сложную конфигурацию. Находясь на границе с враждебным внешним миром, монастырь играл роль укрепленного бастиона, сформированного вокруг костела с башней-колокольней. Корпуса монастырского комплекса вычленили пространство, с двух сторон охватывающее собор и ограниченное примыкающим к собору корпусом монастырских келий, оборонительными стенами с башнями и Бернардинским бастионом, а также служебными корпусами, образуя таким образом внутреннее пространство монастырского двора. Композиционная структура Бернардинского монастыря образует целую систему отношений "внешнего" и "внутреннего", структурной характеристикой которого является движение извне к сакральному космосу.

При подходе со стороны города монастырский комплекс предстает стеной костела, который как гора надвигается на зрителя. Внизу, у "подножия горы" находится вход в собор. Но справа как антипод открывается узкое пространство — вход в южный дворик. Этот дворик является первым медиатором между городской средой и внутренней средой монастырского комплекса. Тема тьмы и низа усиливается наличием в дворике ротонды с колодцем, которая является символом мировой модели, объединяющей темный низ и светлое небо — купол. Это первая метафора "внешнего", включенная внутрь среды монастыря. За ротондой открывается апсида костела, которая притягивает

взгляд и становится очередным визуальным фокусом в последующем движении. Следующее промежуточное пространство находится между апсидой и крепостной стеной и имеет в отличие от предыдущего динамичный характер, символизируя переход – "врата" из одного мира в другой, выражая семантику борьбы темного и светлого, "внешнего" и "внутреннего". Второй двор имеет более крупный масштаб по сравнению с первым и залит солнцем. Эта разница ощущается еще сильнее, когда при обратном взгляде на пройденный путь человек сопоставляет пройденную сжатость пространства и доминирующую в ней тьму с открытым и освещенным пространством второго внутреннего двора. Колокольня костела является медиатором между миром небесным и миром земным и привносит небесный порядок "внешнего" во внутреннюю структуру комплекса. Башня – еще одна метафора "внешнего". Но это объединение распространяется не только на монастырь. Башня Бернардинского монастыря фиксирует пространственный центр – фрагмент внутренней структуры Львова. Сходные метафоры реализуют ансамбли Успенской и Армянской церквей, создавая при этом иерархическую структуру отношений "внешнего" и "внутреннего". Исполняя роль визуальных фокусов, архитектурные доминанты стыкуют на себе разновременные впечатления различных точек обозрения, в результате чего в сознании человека складывается целостный образ пространства городской среды.

В современной городской среде, где в формировании ее качества участвует множество групп, не так уж много тех, кто может управлять ею и регулировать. Зачастую крупные застройщики, частные или же общественные, лишь косвенным образом связаны с теми, кто в конечном счете окажется пользователем. Как правило, они не испытывают необходимости представить каким образом конечный продукт как единичный объект выразится в городском ландшафте. Это, в свою очередь, создает ситуацию, где основное внимание уделяется архитектурной морфологии, что практически исключает содержательную сторону и влечет за собой уход от традиционного аспекта, выражающего социальную и культурную самобытность городской среды. Выходом из данной ситуации может быть разработка региональных программ по созданию четкой иерархической структуры городского пространства, аналогично традиционным решениям, где результатом связи морфологии и семантики будет сохранение ресурсов и выведение архитектуры на качественно иной уровень, увеличив тем самым степень гармонизации и гуманизации среды.

Получено 15.01.2002